

С Л О В О

при погребеніи Смотрителя Тобольскаго духовнаго училища
священника А. Н. Беллавина.

Блжѣни, ꙗже избрали и пріѣли еси,
Гди, и память ихъ въ родъ и родъ.

Грустное и изумительное зрѣлище, по стеченію обстоятельствъ, представляютъ предлежащіе нашему взору эти два гроба, изъ коихъ въ одномъ покоится прахъ отца, а въ другомъ—его дочери. Ненасытной смерти какъ-будто мало было одной жертвы отца; она похитила другую, чистую, невинную жизнь младенца—его дочери. Ея всепожирающей страсти не достаточно было поглотить жизнь главы семьи, дѣятеля на нивѣ просвѣщенія, служителя алтаря Божія; она врывается въ самое завѣтное, дорогое почившаго, въ семью, ради которой трудился онъ,—и здѣсь выхватываетъ себѣ новую добычу, пресѣкая почти одновременно двѣ жизни, полагая рядомъ два трупа и какъ-бы любуясь ими. Если свойственно человѣку чувство грусти при видѣ смерти вообще, кого-бы она не постигала; то это чувство становится больнѣе, тяжелѣе, острѣе, когда видишь, что безвременно погибаетъ жизнь сравнительно молодая, полезная на какомъ либо поприщѣ дѣятельности, когда знаешь, что отъ такой безвременной могилы сиротѣтъ не только частная семья, но и общественное учреж-

деніе, захваченное какъ-бы нечаянно неожиданной смертью, недоумѣвающее при сознаниі понесенной утраты, какъ это въ данномъ случаѣ. За нимъ, переживая тягчайшую боль вѣчной разлуки, стоитъ осиротѣлая семья, покинутая своимъ отцовъ въ тотъ моментъ, когда, въ цѣляхъ воспитанія, всего болѣе необходимо было непосредственное отеческое вліяніе: впереди школа, обученіе и сопряженная съ нимъ забота воспитать дѣтей, сдѣлать ихъ полезными дѣятелями впоследствии; нужно непосредственное вліяніе отца, его труды, его авторитетъ и вѣское, значительное слово, — а безжалостная смерть, которой чужды эти естественныя мечты человѣка о будущемъ, укладываетъ надежду и опору семьи въ гробъ, предоставляя сиротъ заботамъ матери и школы. Еще сильнѣе, еще безотраднѣе эта боль двойной разлуки для осиротѣвшей супруги и матери. Стремительно броситься въ далекій городъ къ больному супругу, дабы подкрѣпить его въ страданіяхъ болѣзни, пережить тамъ его смерть, и, вернувшись, застать въ домѣ другой трупъ — любимой и единственной дочери, — гдѣ тѣ слова, которыми можно было-бы изобразить силу этихъ тяжелыхъ ударовъ, боль отъ тѣхъ колючихъ терновъ, что вонзаются въ материнское сердце... Чувствуешь ли, возлюбленная сестра, Кто послалъ тебѣ этотъ двойной ударъ, Кто подалъ тебѣ эту сугубую чашу горя и страданій? Сознаешь ли, что въ заоблачныхъ мірахъ, предъ горнимъ престоломъ Вседержителя, рядомъ съ душою твоего супруга и одновременно съ ней, витаетъ теперь чистая, ангельски-невинная душа младенца — твоей и его дочери? Вѣруешь ли, что она тамъ въ сонмахъ небожителей, по своей чистотѣ и невинности, лучшая ходатайка, молитвенница и предстательница не только за своего родителя, но и за тебя, въ твоёмъ естественномъ горѣ? Вотъ почему глубокознаменательнымъ кажется намъ это зрѣлище двухъ гробовъ — отца и дочери его младенца: оно видимо, наглядно показываетъ невидимое и непостижимое умомъ нашимъ: за служителя Божія слова и Божія алтаря, учившаго и молившагося здѣсь на землѣ, молится на небѣ, у подножія Божія престола, не только онъ самъ, но и ангель-младенецъ, его кровная дочь. А если, это такъ — въ чемъ мы не сомнѣваемся, то подлинно къ почившимъ можно приложить слова церковнаго пѣнопѣнія: *Блажені, яже избралъ и пріялъ еси, Господи...*

Блаженъ почившій, потому что почувствовалъ на себѣ печать Божія

избранничества, — сталъ служителемъ Божиимъ, носителемъ Его Божественнаго слова, роздавателемъ даровъ Его благодати; принималъ онъ на себя это благое иго Христово въ зрѣлыхъ годахъ, когда не умомъ только, но опытомъ и сердцемъ люди убѣждаются въ великихъ истинахъ вѣры, когда жизнь перестаетъ уже казаться нескончаемымъ рядомъ плѣнительныхъ забавъ и сладкихъ восторговъ, когда все рѣзче и яснѣе выступаетъ ея дѣйствительная сторона — трудъ и долгъ, а за этою стороною, въ глубинѣ сердца, начинается просвѣчивать мысль, что и вся человѣческая жизнь, въ совокупности ея трудовъ, подвиговъ, усилій, есть лишь время странничества, скитальчества души, время усиленныхъ приготовленій къ той настоящей жизни, о коей говоритъ намъ слово Божіе. Убѣждены, новопредставленный о Господѣ сродникъ, что съ такимъ именно глубокимъ сознаниемъ назадъ тому 8 лѣтъ ты принялъ священство — эту печать Божія избранничества, и знаемъ, что былъ ты воистину іерей по чину Іисусову, что съ глубокою вѣрою и искреннею молитвою въ устахъ поднималъ ты руки свои горѣ въ тайнодѣйствіи Христовомъ, что алкала душа твоя не мясъ Египетскихъ, а общенія со Христомъ въ Его св. таинствѣ тѣла и крови, что за время священства своего позналъ ты опытомъ, — что нѣтъ иной жизни, кромѣ жизни во Христѣ, что *Онъ, Сынъ Божій, далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и будемъ вѣчно во истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ*. Въ твоей глубокой убѣжденности, въ твоёмъ искреннемъ проникновеніи ученіемъ Христовымъ не разъ случалось удостовѣряться многимъ, когда выполнялъ ты — и съ высоты церковной кафедры, и въ частномъ дѣлѣ школьнаго учительства — завѣтъ св. Апостола: *аще благовѣствую, имѣть ми похвалы: нужда бо ми належитъ, горе же мнѣ, аще не благовѣствую*. Такъ почилъ на тебѣ духа іерейства, свѣтлѣла на челѣ твоёмъ печать Божія избранничества. *Блаженни, яже избралъ еси, Господи.*

Но восьмилѣтній періодъ твоей пастырской жизни протекалъ не безъ скорбей и даже страданій. Кромѣ скорбей пастырскихъ, о коихъ знаютъ только пастыри, ты переживалъ иныя скорби, вызывавшія тебя на дѣятельность выше силъ. То скорби твоей административной дѣятельности, сопряженныя съ возведеніемъ зданія, въ которомъ лежитъ теперь твой трупъ бездыханный; но пусть объ этомъ скажутъ

тѣ, кто ближе соприкасался съ этой стороною твоихъ трудовъ. Что же дала тебѣ іерейская сердечная молитва, пастырскія и административныя скорби? Среди нихъ, какъ и всякихъ скорбей, измождалось тѣло, старѣло оно, появлялись недуги—эти предтечи смерти,—но зато укрѣплялся духъ твой, очищалась душа твоя, какъ-бы яснѣе прозрѣвая въ ту таинственную и свѣтлую область, гдѣ ея истинное жилище, возвышалась и одухотворялась вѣра твоя, какъ бы становясь однимъ пламеннымъ порывомъ къ престолу Всевышняго. И теперь, быть можетъ, благовременно Господь пріялъ твою душу въ свои селенія праведныхъ. *Блаженн, яже избралъ и пріялъ еси, Господи.*

Въ утѣшеніе покинувшей насъ душѣ твоей и въ крѣпкую защиту ея предъ престоломъ Всевышняго слѣдуетъ съ тобою ангельски-чистая молитва твоей юной дочери. Она покинула твоихъ присныхъ живыхъ, дабы ходатайствовать за тебя!

Еще нѣсколько мгновеній, и велѣдъ за *отошедшею* въ иную область душею твоею, сродникъ и Іерей Божій, покинетъ насъ, живыхъ, и прахъ твой; земляной покровъ скроетъ его отъ глазъ нашихъ по непреложному закону Господа: земля еси и, въ землю отыдешь. И всѣ живые, знаемые и незнаемые, родные и чужіе, должны будутъ разстаться съ тобою навсегда. Что мы? Неужели этою земною разлукою кончилось твое существованіе? Неужели съ послѣднею горстью земли начнутся первые признаки людскаго забвенія? *Блаженн, яже избралъ и пріялъ еси Господи, память ихъ въ родъ и родъ.* Поищемъ, возлюбленный, этой памяти вокругъ тебя, въ кругу той дѣятельности, которою жилъ ты. Не говоримъ о присныхъ твоихъ, любившихъ тебя, берегшихъ жизнь твою: ихъ память о тебѣ несомненна; но она же будетъ въ воспріимчивыхъ сердцахъ тѣхъ подростяющихъ поколѣній, кои прошли чрезъ твое воспитательное вліяніе; благодарною она останется и въ средѣ твоихъ собратій по дѣятельности за то нравственное руководство, которымъ они одолжены тебѣ,—и развѣ только холодное, скептическое равнодушіе и черствое самолюбіе поспѣшатъ забыть твое имя.—Есть еще одинъ памятникъ, который долго, пока стоитъ онъ, безмолвно, величавымъ видомъ своимъ напоминаетъ о тебѣ. Это—всѣ зданія твоего питомника духучилища. Какихъ трудовъ, усилій, скорбей стоятъ они тебѣ! Съ какимъ раченіемъ, даже съ опасностью жизни, слѣдилъ ты за возводи-

мыми постройками этого памятника, — объ этомъ пусть свой безпристрастный судъ произнесетъ исторія. Но все это людская память. Иною памятью мы хотѣли бы напутствовать тебя: молитвеннымъ воспоминаніемъ у престола Божія и въ сердцахъ всѣхъ, знавшихъ тебя. Упокой, Господи, душу твою, въ селеніяхъ небесныхъ; скажемъ: о памяти и оставленіи грѣховъ раба Божія новопредставленнаго Іерея Алексѣя. Впрочемъ, ты и самъ теперь стоишь со своею іерейскою молитвою предъ престоломъ Всевышняго. Помяни тамъ въ своей молитвѣ насъ недостойныхъ, окружающихъ гробъ твой! Быть можетъ, и для многихъ изъ насъ уже выросли тѣ деревья, изъ которыхъ сдѣлають намъ гробы!

Такъ, примиримся съ неисповѣдимыми судьбами Божиими, будемъ помнить, что Господь избираетъ и принимаетъ въ селенія праведныхъ не тѣхъ, кому давно пора лежать въ сырой землѣ по расчетамъ человѣческимъ, а тѣхъ, кто достоинъ райскихъ обителей по Его Всевѣденію безъ различія возрастовъ и состояній. Земная жизнь предъ ожидающей насъ вѣчностью должна изъясняться не годами тѣлеснаго возраста, а тѣми степенями духовнаго возраста, по которымъ благодать Божія приводитъ человѣка въ мужа совершенна, въ мѣру возраста, до совершенной зрѣлости его для вѣчной жизни въ Богѣ. Чѣмъ скорѣе человѣкъ достигаетъ этой зрѣлости духовной, тѣмъ тягостнѣе для него жизнь во плоти, тѣмъ вожделеннѣе ему разрѣшиться и со Христомъ быть, и чѣмъ скорѣе избавляется онъ отъ скорбей жизни временной и пріемлется въ небесныя обители свѣта и радости вѣчной, тѣмъ онъ блаженнѣе. Созрѣлъ почившій для вѣчной жизни въ Богѣ — и Онъ, Всевѣдущій, пріялъ его въ селенія небесныя. *Блажени, яже избралъ и пріялъ еси Господи, память ихъ въ роды родъ. Аминь.*

Архимандритъ Иннокентій.